

*Письма
читателям*

Ирина Коростышевская

Ирина Коростышевская

Письма читателям

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25558327

ISBN 9785448562501

Аннотация

Мой ребенок часто говорит мне: мама, ну почему ты все время всему удивляешься, ну сними ты свои розовые очки, ну увидь же, наконец, что жизнь совсем другая, чем ты ее представляешь. Если в этот момент у меня хорошее настроение, я улыбаюсь в ответ. Если настроение чуть ниже среднего, я просто молчу. Даже люди, которые знают нас лучше, чем кто-либо, даже самые-самые близкие и родные люди, не всегда могут понять, что кроется за этим, что прячется, что никогда не выйдет наружу...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Письма читателям

Ирина Коростышевская

Дизайнер обложки Марк Губаренко

© Ирина Коростышевская, 2017

© Марк Губаренко, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-6250-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В жизни каждого из нас случаются такие мгновения, когда все меняется. Мир замирает, в ушах звенит торжественная тишина, а мысли и чувства беспрепятственно пронзают насквозь все твое существо, пролетая из конца в конец вечности за единую минуту. Никто из нас не может вычислить такие мгновения заранее. Когда же время возобновляет свой ход, и ты возвращаешься из той безымянной, ослепительной бездны, где ты витала, во время настоящее, в тебе что-то изменяется, изменяется необратимо, и с той поры жизнь, независимо от твоей воли, течет в совершенно ином направлении.¹

¹ №90—91: Ноябрь-Декабрь 2011 (здесь и далее дата первой публикации в журнале МИССИЯ)

Почему так всегда получается, что запоминаем мы только то, что попадает нам прямо в сердце?

Я всю жизнь люблю жизнь наощупь. Прикоснуться, дотронуться, ощутить, почувствовать – это мой способ познания мира. Не люблю фальшь ни в каких её проявлениях, могу ответить на любые каверзные вопросы, не люблю трусливых людей и не очень верю, что новую жизнь можно начать с понедельника.

Зато я верю в любовь только с первого взгляда. Верю, что самое истинное в жизни случается без усилий. И очень верю в Новый год. В снег на деревьях, в сказку, в предвосхищение праздника, в ожидание чуда и в воспоминание детства: как захотела попробовать качели на вкус и приклеилась к ним губами. Помню маму, которая смеялась, папу, который пытался отклеить меня от качелей, Даньку, который испугался, что это на всю жизнь, и отрешенное ощущение счастья. Наощупь.²

Я росла маленькой, худенькой и болезненной, поэтому ма-

² №101: Декабрь 2012

ма с папой отправляли меня зимой в Академгородок – повсюду сосны, чистый снег и ясное небо, а летом – в Фергану. И там, и там жили мои бабушки.

Мои бабушки были абсолютно разными женщинами. Случись им встретиться, они вряд ли бы нашли, о чем разговаривать. Одна моя бабушка, Зинаида Васильевна, родилась в один день с революцией, только годом раньше, росла детдомовской девочкой, вкуснее всех на свете пекла блины, называла меня дочей, варила в тазу смородиновое варенье, дружила со всеми соседями, изящно употребляла ненормативную лексику и могла за одну ночь сшить мне целых два сарафана. У нее по балкону прыгали белки.

Вторая моя бабушка родилась в год, когда не стало Ленина, выросла в семье репрессированного учителя литературы, всю жизнь читала английские романы, играла в карты, вкуснее всех на свете готовила фаршированную рыбу, слушала «Голос Америки», каждый месяц шила у портнихи новое платье и во всех соседках видела потенциальных врагов. Её звали Ревекка Вениаминовна, и у нее по всей квартире были расставлены мои фотографии, а на лоджии жили ласточки.

Каждая из них ругала меня лишь однажды. Баба Зина – за опрокинутую на себя кастрюлю с манной кашей в двухлетнем возрасте, да и то помню этот случай только с её многочисленных рассказов, бабуля – за то, что я какому-то незнакомому мальчику в парке написала на листочке: Ира Гель-

руд, десять лет и домашний челябинский адрес. «Приличные девочки так себя не ведут», – выговаривала бабуля весь вечер. Мне на защиту тогда вышел дедушка. «Перестань, Рита, наша девочка слишком застенчивая», – спокойно сказал он. «Застенчивая – это та, которая за стенку держится», – отрезала бабушка. И дедушке тут же досталось за соседку, которая «строила ему глазки».

«Додя, сходи на рынок, Иронецке нужны витамины», – каждое утро на протяжении многих лет говорила бабуля. Не помню, чтобы дедушка когда-нибудь ответил, что он это знает сам. «Отец, покорми с дочей белочек», – просила баба Зина, пытаясь приобщить деда к воспитанию прекрасного в ребенке. И не дожидаясь, когда он отвлечется от очередного просмотра

новостей про Никсона, чертыхаясь на чем свет, надевала на пальто шаль, одевала меня в шубку и шла со мной кататься на санках.

Всю жизнь мои бабушки смешно соревновались за первенство в моем сердце. «Чем тебя кормит эта твоя баба Зина, я не понимаю, – сокрушалась бабуля. – Тебя привезли ко мне почти с непроходимостью желудочка». Баба Зина таких «диагнозов» не знала, и когда меня возвращали к ней, выговаривала все свои претензии на простом русском языке. В сухом остатке получалось: ребенка перекормили виноградом.

...Теперь, когда я стала взрослой, а их уже нет на свете,

я поняла одну удивительную и важную истину – я и сейчас защищена их любовью, как в детстве. Семь лет назад я в последний раз приехала в Академгородок к бабе Зине. Она уже была совсем старенькая, ничего не видела, но я все равно привезла ей журнал. Она открыла его, потрогала, уткнулась лицом в страницы и сказала: красивый. «Как ты это видишь?» – улыбнулась я. «Я это чувствую, доча», – ответила моя бабушка.

Теперь они смотрят на меня с неба – это я знаю точно.³

Мне кажется, что у меня давно уже нет конфликта ума и сердца – они подружились и научились друг другу доверять, мне кажется, что у меня решен конфликт между желанием быть собой и страхом кому-то не понравиться, мне хочется верить, что я стала меньше зависеть от мнения окружающих и потихоньку научилась жить своей жизнью, но совсем недавно я обнаружила, что у меня серьезная проблема с фактами и их интерпретацией. И то, что называется богатым воображением и образным мышлением, нередко рисует мне совсем не те картинки, о которых говорят близкие люди. То есть, если продолжать умничать дальше, мое подсознание пропускает в мое сознание только то, что считает нужным

³ №78: Ноябрь 2010

и только в своей собственной обработке.

Вчера мой друг назвал меня деловой женщиной. От неожиданности я сначала заплакала, а потом разозлилась. Наверно, неожиданность была настолько неожиданной, что даже эмоции поменялись местами. В моем представлении деловая женщина – это Матвиенко с комсомольским опытом, Батурина в знаменитом списке, Хакамада со смешными тренингами про драйв, кайф и политику и Гузеева в передаче «Давай поженимся». Всех четверых я боюсь одинаково и ни за что на свете не хотела бы с ними познакомиться. По моему восприятию жизни, мира и женщин в частности, эта грозная четверка – такой «Секс в большом городе»: друг друга дополняют прикольно, но смотреть на них невозможно. Все продуманно, холодно и четко – учат, строят и женят без капельки сомнения.

В общем, я одновременно плакала, злилась и все это выговаривала своему замечательному другу. Он, как настоящий – настоящий мужчина, слушал меня абсолютно молча. Наконец, когда буря утихла, и все мои волны сошли на нет, он тихим голосом заметил: «Ты, как всегда, не дослушала. Я хотел сказать, что женщина, которая занята любимым делом, для меня занимает самую высокую ступень в иерархии женщин. И причем здесь твои Матвиенко?»

Короче, сама придумала – сама обиделась. Теперь буду всегда переспрашивать. Думаю, что за год-другой научусь слышать правильно. Как говорит другой мой умный друг,

намерение – уже половина результата. Если, конечно, я его правильно понимаю.⁴

Каждый раз, перечитывая «Анну Каренину», я нахожу в этом гениальном романе совершенно новые для себя вещи. Кем только из героев я ни была за эти годы и с кем только себя ни отождествляла, но так получилось, что ни разу, трудно поверить, но ни разу до вчерашнего дня не обратила внимания на одну замечательную фразу, оброненную Анной в самом начале бала: я не танцую, когда можно не танцевать.

Один мой друг, который необыкновенно красиво играет в покер, всегда говорит, что если игрок затих, значит, у него хорошая карта. И еще он говорит, что никогда не судит людей и не выставляет им оценки. Этот мой друг – гений. Он не был в детстве вундеркиндом, он не учился лучше всех, у него бывает грустное настроение, ему часто кажется, что все не так, но он умеет разговаривать с луной, и каждый раз, когда я говорю ему, что он гений, он смущается и бледнеет.

Из всех анекдотов про жизнь в последнее время мне почему-то вспоминается один. Ладненький такой, правдивый и пронзительно грустный. Про то, как молодые ученые решили выяснить, что же все-таки у человека развито сильнее:

⁴ №84: Май 2011

чувство голода или половое влечение. Для этого двух собачек на неделю закрыли в комнате и положили им кусок колбасы. Все семь дней песик ел колбасу и даже не взглянул в сторону своей соседки. Когда эксперимент закончился, молодые ученые сделали вывод, что чувство голода у всех млекопитающих намного сильнее влечения к противоположному полу. И тогда сидевший в зале старенький профессор, руководитель этого эксперимента, заслуженный и уважаемый человек, помолчав несколько минут, задал один-единственный вопрос: а вы сучку поменять не пробовали?

Все смешалось в доме Облонских. В этом Толстой прав.⁵

...Эта девочка из юности, как её звали? Он ведь любил её тогда. Интеллигентно попрощавшись, она ушла. Замуж. За другого. Это очень хорошо, что сказала сама. Это честно. Это правильно. Но это больно.

...Эта женщина из середины жизни. Он отдал ей больше, чем хотел. Наверно, любил её. И с женой бы расстался, и пришел к ней, с ней бы жил. Зачем она обманула? Почему? За что? За его любовь заплатила ложью? Или он расплатился своей болью?

...Этот дом, где родной только – сын. Кровиночка. Сча-

сть. Гордость. Неосуществленные его мечты – сын воплотит. Неприкрытая его спина – сына тыл. Недолюбившее сердце – в нем сын.

...Эта чужая женщина, его жена. Что она говорит? О чем? Кто она? Почему рядом? Одиночество сковало душу, зажало в тиски. Шепот, страшный шепот в тишине: Ты один. Один. Ты в темноте ночи, на кухне, с сигаретой, как молитву: мама, мамочка, спасибо, что ты живая.

...Это вторая кожа. Панцирь. Сорвать его он уже не может. Теперь он знает, что за любовью идет боль. Боли он не боится. Он её не хочет. Знает, что за открытой душой идет предательство. И его не боится – его избегает. Как обходят стороной грязь, чтобы не испачкать ботинки.

...Это сердце. И оно так сжимается, так болит порой. Сердце, глупое, смешное, ему ведь не объяснишь, что есть ум. Мудрость. Опыт. Сердцу, чтобы жить, нужна любовь. Надежда. Вера.

...Этот старый мужчина. Где он видел его раньше? Глаза, руки, голос. Боже мой, неужели это я? Что – уже старость? И больше нет рядом мамы? А в руке – сына рука – как в детстве. И сын, седой и взрослый: «папа, родной мой, я сила твоя. Защита твоя. Самая главная твоя правда».

...Это счастье, – подумал он. И не ошибся. Счастье всегда было рядом. Он просто не умел встретиться с ним глазами. Счастье стояло за спиной – он смотрел вперед. Он возвращался назад – счастье было с другой стороны.

...Это просто. Очень просто. То, к чему он стремился всю жизнь. Как человек, ложками поедающий черную икру, мечтает о черном хлебе. И надо было всего-то поставить ногу на пяточку и повернуться в пространстве.

...Это легко. Господи, до чего же легко! Повернулся чуть-чуть. Девочка из юности, прости меня. Еще чуть-чуть. Женщина из середины жизни, прости меня. Собрав смелость, повернулся резко...

...Эта чужая женщина, его жена. Она стояла рядом, и слезы капали ей на платье. Она не стеснялась их. Не вытирала. Она улыбалась. Открыто. По-доброму. По-детски. Она одна знала, что всю жизнь любила его. И не вина её, а беда – в том, что любила неумело. Общая их беда...

...Это мама. Молодая. Красивая. «Мама, я видел счастье», – руки потянулись обнять. «Маленький ты мой, какой ты все-таки глупенький», – мама ласково прижала его к себе...⁶

Конец июня, долгие-долгие дни, фонари зажигаются очень поздно, запах травы после дождя, ощущение свободы от последнего сданного экзамена в школе, ожидание праздника от предстоящего выпускного. Мы готовимся всерьёз.

⁶ №7: Сентябрь 2003

И красивые платья, которые наденем на праздник, – свидетельство и обещание будущей взрослой жизни.

Это потом захочется вернуть последний школьный звонок, и сливочное мороженое за пятнадцать копеек, и разноцветную карусель во дворе, и грустные глаза любимой учительницы. А пока я поторапливаю маму, которая готовит мне выпускной наряд, – так хочется одеться во что-то, не напоминающее школьную форму.

И мама ночью шьёт, но получается у неё совсем не то, что бы я хотела. У подружек совсем другие платья. Белые, пышные, с рюшечками и кружевными воротничками. А мама купила странный материал – чёрный, в крупный белый горох, и ворожит над ним. Мама, это платье не похоже на другие. Я не знаю, хочу ли я его надевать.

Конец июня, сладкий запах зацветающих лип, вечерний троллейбус за окном, Алла Пугачева с трогательной песней «Ты на свете есть», ощущение щекочущего счастья в горле. Тебе пойдёт это платье, говорит папа. Ты не такая, как все. Не бойся быть неповторимой. Это твоя жизнь.

Быстро надеваю платье, мама осторожно поправляет воротник. Смотрю в зеркало. Я совсем другая. Я взрослая. Мне шестнадцать. Я еще не знаю, что в этом платье, по дороге в университет, через месяц я встречу твоего папу.

...Конец июня, наши дни, плёнка становится ярко-цветной. И я в маленьком уютном магазинчике присматриваю костюм, который ты оденешь на выпускной, мой мальчик, мой

взрослый сын. Случайно взгляд мой цепляется за свёрнутый аккуратно материал, лежащий в витрине, – и прожитые годы смывает летним ливнем.

Чёрный, в белый горошек. Это моё тогдашнее платье, точно такой же рисунок. Я не встречала его с той поры. За стеклом лежит моё чёрно-белое прошлое, и папины слова вырастают в памяти: «Не бойся быть неповторимой. Это твоя жизнь».

Мальчик мой, не бойся быть непохожим. Наверное, жизнь одна, наверное, мы бываем здесь только однажды. Жить нужно никого и ничего не повторяя, потому что в жизни ничего и никогда не повторится. Ну разве что платье – чёрное, в белый горох – напомнит о себе ненароком через много лет. И я остановлюсь посреди магазина, выпав на минуту из времени.

...Куплю тебе на выпускной строгий пиджак, лёгкую и свободную рубашку, галстук, который задерживает взгляд неожиданным узором. Поначалу ты скажешь, как я когда-то: «Мне кажется, это не совсем подходит». А потом наденешь костюм и увидишь себя в зеркале заново. Взрослого. Неповторимого. Настоящего.

Конец июня, солнце садится поздно, окна в школах распахнуты настежь, музыка играет вовсю. Ты серьёзен, но ты улыбаешься. Ты такой маленький, но такой большой. Ты сдержанно, по-взрослому говоришь: «Мам, я, наверное, до утра», но в твоих глазах видна всё та же любовь. Иди на свой выпускной вечер, самый весёлый и грустный, пото-

му что он бывает только раз в жизни. Подожди секунду, я поправлю тебе воротник.⁷

Чтобы изменить мир, надо верить, что дурных времен не бывает.

Бывают разные люди. Бывает страх неизвестности. Бывают колодцы, из которых ушла вода. Бывают города и семьи, в которых не чувствуешь времени: застыло, ничего не меняется, дома и отношения давно покрылись пылью, люди не помнят, в каком столетии живут, и отчаянно завидуют чужому «везению».

И бывают те, кто чувствует время и не боится того, чего не понимает. Те, кто меняет жизнь, делая её счастливой. Те, кто летает во сне и наяву, но никогда не соглашается на промежуточный вариант в главной ситуации своей жизни.

И только избранные знают, сколько за этими легкостью и изяществом терпения, таланта и труда.

Чтобы изменить мир, нужно его любить.⁸

⁷ №15: Июнь-Июль 2004

⁸ №64: Май 2009

*Ангел-хранитель, постой за плечами
В час, когда в небе темно от печали,
В час, когда скрипки давно отзвучали,
В час, когда большие нет сил жить ночами,
Ангел-хранитель, постой за плечами...*

Быть – значит отличаться.

Просто потому что каждый из нас создан в одном экземпляре.

Мы же неосознанно уничтожаем себя, стараясь быть похожими на других.

А для того чтобы не быть похожими на других, нужно иногда рискнуть, сделав то, что раньше никогда никто не делал.

И если кто-то скажет вслед, что вы высокомерны и величественны, и что вы не такой, как все, это будет только их личное мнение.

Правда жизни в том, что за «высокомерием» всего лишь правильное понимание своего места в пространстве и вечные сомнения, а за желанием быть сереньким, бледненьким и простым – пропасть.⁹

⁹ №66: Сентябрь 2009

Будто сговорившись, три совершенно незнакомых между собой человека за последнюю неделю задали мне один и тот же вопрос: «Это правда, что ты продаешь журнал?»

Нет, ответила я первому и улыбнулась. Нет, сказала я второму и почувствовала, что раздражаюсь. «Зачем мне это делать?» – спросила я третьего. «Говорят, что ты выходишь замуж», – очень просто ответил последний.

И тогда я решила об этом написать. Нет, мои хорошие, я не продаю журнал. Ни за двадцать шесть миллионов рублей, ни дороже, хотя циники и любят говорить, что все продается и покупается, вопрос лишь в цене.

В жизни каждого человека есть вещи, которые дороже денег. Я говорю сейчас не о здоровье, любви и верности, об этом и так знают все нормальные люди, я говорю о любимом деле. И если кто-то попытается это опровергнуть или сказать, что это всего лишь пафос, не надо, не тратьте время зря. Любовь к своей работе, как и роль личности в истории, еще никто не отменил.

Вот уже какую субботу я смотрю «Ледниковый период» и всегда плачу, когда катается Навка. Я восхищаюсь легкостью её силы и понимаю, что за этим трехминутным проникновенным выступлением прячется кропотливый пожизненный труд. И все её медали, блеск и обаяние – это лишь ма-

ленькая толика счастья в сравнении с ежедневными победами над собой.

Часть судьбы выбрать невозможно. Как и самое вкусное из похлебки еще никому не удавалось съесть. Я люблю свой журнал целиком. И то, что видите вы, когда берете его в руки, и то, что знаю только я и мои ребята – мои девочки и мои мальчики, которые создают журнал все эти годы. Я люблю его запах, его каждую страницу, его разные обложки, люблю непридуманные истории его героев, да и придуманные люблю не меньше, люблю слезы гордости их родителей. Люблю бесконечные звонки, встречи, работать до позднего вечера, люблю, когда за окном темно, а у нас рождается что-то новое. Даже те редкие бракованные номера, которые приходится возвращать в типографию, тоже люблю.

Можно меня больше не спрашивать, продаю ли я «Миссию»?

И если вдруг завтра я снова решусь выйти замуж, то пойду туда только вместе со всей своей жизнью. Уж извините.¹⁰

Периодически в моей жизни возникают ситуации, когда мечты кончаются, желания пропадают, надежды гаснут, и кажется, что все уже знаешь, все видела, все проходила, и ниче-

¹⁰ №67: Октябрь 2009

го нового нет и не будет. Честно скажу: эти периоды я не люблю и чувствую себя как тоненькая билетерша из песни Галича, которая стоит на дверях в кинотеатре «вся иззябшая, вся простывшая, но не предавшая и не простившая». В такие дни я начинаю сознательно придумывать себе желания и делать то, чего никогда не хотела делать раньше.

Я никогда не читала «Сагу о Форсайтах». Потому что всегда не хотела. Потому что, когда я была совсем крошечной и еще не появилась на свет, моя мама прочитала всего Голсуорси вдоль и поперек. О чем неоднократно мне в течение всего моего детства рассказывала. Этим несчастным прочитанным Голсуорси мне доставалось за пропущенную «музыку» в шестом классе, за ночные разговоры с Павликом Вальцем в восьмом, за двойку на экзамене по химии в десятом, и еще по всяким разным мелочам. Даже когда на третьем курсе университета я сдавала зарубежную литературу Валерию Марковичу Паверману, и мне, естественно, попался Джон Голсуорси, и я получила «отлично», пересказав с маминых слов про равновесие и пропорции в любви, моя устойчивая идиосинкразия к этому роману не уменьшилась.

Короче, на прошлой неделе я его все-таки прочитала. Не отрываясь. С наслаждением. Маленькими глоточками. Обдумывая каждую фразу. Восхищаясь Ирэн. Влюбившись в старого Джолиона. Оправдывая каждый поступок Сомса. И наконец-то поняла, что одиночество и уединение – это абсолютно разные субстанции: в первом заложена грусть,

а во втором – ЖЕЛАНИЕ ЖИТЬ. Легко и весело. «Чтобы оценить пудинг, надо его съесть». Спасибо, мама.¹¹

Я очень люблю сумерки. Летние, зимние, предрассветные, вечерние – любые. Не люблю, когда солнце слишком сильное, а небо чересчур тёмное. Люблю полутона в природе, мягкость, плавные линии, дождь и жёлтые листья.

В людях – наоборот. Люди мне нравятся яркие, солнечные, ясные, прозрачные, искренние, открытые, смелые. Только такие могут вести за собой, и только рядом с такими – не страшно.¹²

Я не люблю нарядных мужчин, тар-тар из голубого тунца, Шато Марго, вопросы типа «а что он тебе подарил?», смешную американскую поговорку про «если ты такой умный» и всяческие разговоры про деньги.

Каждый раз мне становится ужасно неловко и как-то даже немножечко стыдно, когда небедные и неглупые в общем-то люди начинают на полном серьезе рассуждать об обязатель-

¹¹ №72: Апрель 2010

¹² №75

ном бесплатном образовании, обязательной бесплатной медицине, каких-то мифических поборах в школах и «баснословных» подарках врачам. Особенно грустно становится, когда в «дискуссию» вступают их праздные жены. Тут уж вообще – смех сквозь слезы: откуда ни возьми вспоминается давно забытое экономическое образование и начинается пересчет купленных в классную комнату занавесок на некупленные колготки.

Этот номер – про деньги. Точнее, про то, что не всегда в мире умный – значит, богатый, про то, что богатый – не значит самый лучший, про то, что на каждого богатого всегда найдется еще богаче, и про то, что деньги – это всего лишь деньги, а не пропуск в рай и не панацея от одиночества – они и созданы для того, чтобы их отдавали. И уж кому-кому, а людям, которые умеют их зарабатывать, эта прописная истина понятна лучше, чем кому-либо другому.¹³

В детстве я мечтала быть продавцом мороженого, директором школы и вагоновожатой. Все эти три профессии меня завораживали одинаково. На четвертом курсе университета, определившись более конкретно и устроив своего годовалого ребенка в садик, я пошла работать в школу учителем рус-

¹³ №77: Сентябрь 2010

ского языка и литературы.

Директором школы, которую я выбрала, была учитель физкультуры – красивая женщина с абсолютно нестандартным мышлением и бьющей через край энергией – наверно, поэтому она сразу же дала мне старшие классы, где часов литературы намного больше, чем уроков русского языка, и соответственно, свободы для творчества – тоже.

За пять лет моей работы в школе мы придумали с детьми немалое количество конкурсов, открытых тематических уроков и вечеров художественной самодеятельности. Однажды, в преддверии Нового 1991-го года, на одном из педсоветов Лилия Дмитриевна предложила: «А давайте поменяем традицию – пусть на этот раз каждый из нас подготовит для ребят свое выступление». Учителя промолчали, но согласились.

В назначенный день начался праздничный концерт. Одна из моих учениц, красавица и отличница Юлия Насонова, объявляла номера. Кто-то играл на гитаре, кто-то в образе зайчика читал стихи, кто-то рисовал с закрытыми глазами елочку. Дети, сидящие в зале как зрители, были в восторге. Ничто не предвещало казуса.

И вдруг две очень взрослые учительницы, давние подруги с послевоенных лет, под наплывом чувств решившие поменять свой репертуар, подозвали Юлю за кулисы и сообщили, что они не будут петь песню про валенки, а будут исполнять романс о любви. Почему девочка их не дослушала,

мне до сих пор непонятно, но через минуту она вернулась на сцену и объявила: «Выступают наши любимые и заслуженные Нина Романовна и Лия Тимофеевна. Романс «Ушла любовь». В зале захлопали, но на сцену никто не вышел. Юля не растерялась и повторила весь текст сначала: так-то и так-то, выступают такие-то, романс «Ушла любовь». И тут из-за кулис раздался грозный шепот Нины Романовны: «Не ушла, а пришла!!! Пришла любовь!!!» «Как – пришла?» – только и смогла выговорить шестнадцатилетняя ведущая и рассмеялась.

Мне тогда было двадцать три года, и я была с Юлей заодно. Сейчас, про прошествовав стольких лет, я понимаю, что ошибалась, потому что молодость часто бывает категоричной и неделикатной. С возрастом я верю в чудеса еще больше и еще искреннее. И мне по-прежнему иногда хочется хотя бы на минутку поменяться местами с продавцом мороженого и вагоно-вожатой.¹⁴

Ровно двадцать лет назад, 19 августа 1991 года, когда по телевизору целый день показывали «Лебединое озеро», мы летели в самолете рейсом Челябинск-Хабаровск. Ребенок спал у меня на коленях, а я читала роман «Дети Арба-

¹⁴ №79: Декабрь 2010

та» в журнале «Дружба народов». Сидевший рядом со мной пассажир молчал-молчал, а потом многозначительно изрек: закончилось ваше время – больше не будет таких журнальчиков. Пассажиру было лет пятьдесят, мне – двадцать три, и я не совсем поняла, какое «мое время» закончилось.

Года два назад в лифте нашего офиса я встретила одного знакомого мужчину весьма преклонного возраста. «Может быть, напишем о вас в журнале?» – предложила я. «Время ваших журнальчиков закончилось, —

поучительно ухмыльнулся тот дяденька. – Теперь все пользуются интернетом, там все-таки скорость». «Скорость не есть чистота», – ответила я и вышла из лифта.

Вчера после ужасной трагедии, случившейся в нашем городе, я зашла в интернет и мне стало жутко не по себе – какие-то «шпики», «мики» и «денди» давали свои комментарии. На плохом русском языке, пропуская буквы и знаки препинания, эти люди бездушно и безжалостно писали о погибшем человеке и его жене, даже краешком глаза не видя их ни разу и ни капельки не понимая их жизни. Зато скорость, брезгливо подумала я. И анонимность – что для человеческой трусости главный критерий.

В этом номере «Миссии» – специальный проект, посвященный компаниям, родившимся в новой стране после того знаменательного «Лебединого озера». Проект, посвященный людям, которые сделали свои компании главным делом своей жизни и сохранили их ценой своего здоровья. Лю-

дям, которым присуща смелость, тем, которые умеют рисковать и которые по-настоящему любят людей. Они всегда подписываются полным именем и ежечасно несут ответственность за каждого человека, находящегося в их пространстве. Вряд ли кто-то из них мог быть тем пассажиром в самолете...¹⁵

Родную сестру моей прапрабабушки звали Эстер Коростышевская. Она родилась и выросла в Киеве, вышла замуж, родила троих детей. Дети выросли и разъехались: кто в Москву, кто в Баку, кто в Ленинград. Когда началась война, ей было шестьдесят четыре года, её мужу – на пять лет больше. Старшая их дочь в то время уже давно жила в Баку, и она сразу же позвала их к себе. Моя прапрабабушка наотрез отказалась. Её расстреляли в Бабьем Яру в сентябре 1941 года, вместе с мужем и вместе со всеми евреями Киева, которые из Киева не уехали.

В своей жизни я всего лишь один – единственный раз была влюблена в актера, но с пятнадцати лет и по сей день. Я безоговорочно принимаю все фильмы Никиты Михалкова и, хотя не очень люблю кино о войне, уговорила себя посмотреть «Предстояние» и «Цитадель». Вместе, сразу, за од-

¹⁵ №86—87: Июль-Август 2011

но воскресенье. Я плакала, смеялась, снова плакала – и так весь фильм. Как же надо понимать и чувствовать мир и людей, какой бездонной душой обладать, чтобы делать то, что делает Никита Сергеевич Михалков.

Не буду обманывать, я не люблю критику, потому что не очень понимаю её предназначение. Талантливых людей она ранит, а остальным она просто не нужна. Оскара мало за этот фильм.

«Ирина Яновна, а что такое Бабий Яр?» – спросила меня сейчас хорошая добрая двадцатилетняя девочка...¹⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.